

УДК/UDC 123

Справедливость как альтернатива свободе в реалиях российского социума

Гузынин Николай Гаврилович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории

Ставропольский государственный аграрный университет

г. Ставрополь, Россия

e-mail: gng49@yandex.ru

Аннотация

В статье показано соотношение понятий справедливости, равенства, свободы применительно к историческим и социальным реалиям российского общества. При этом они рассматриваются не только как понятия, но и как фундаментальные ценности российского социума. Понятия справедливость, равенство, свобода представлены в срезках двухуровневого рассмотрения: гносеологического и онтологического. На гносеологическом уровне свобода и равенство рассматриваются как понятия-антагонисты, а справедливости отводится очень значимая медиативная роль. На онтологическом уровне эти понятия рассматриваются как наиважнейшие ценности российского социума. Автор акцентирует внимание на существенные несоответствия между онтологическим и гносеологическим уровнями в понимании этих понятий и их практическим приложением в исторических и социальных реалиях как целеполагающих ценностей российского социума. В статье отмечается необходимость снятия антагонизма в оппозиции «справедливость — свобода» и утверждения на уровне общества понимания того, что справедливость без свободы несправедлива, а справедливость справедлива лишь в союзе со свободой. В заключении статьи формулируется в качестве главной мысли сентенция о необходимости современному российскому обществу ради реализации в будущем проекта цивилизационного прорыва осуществить переход от конфронтационной модели «справедливость вопреки свободе» к модели «справедливой справедливости на основе свободы».

Ключевые слова: свобода, справедливость, равенство, государство, альтернатива, патернализм, ответственность, вольница, ценность, культура, менталитет.

Justice as an Alternative to Freedom in the Realities of Russian Society

Guzynin Nikolay Gavrilovich

Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy and
History

Stavropol State Agrarian University

Stavropol, Russia

e-mail: gng49@yandex.ru

Abstract

The article shows the correlation between the concepts of justice, equality, and freedom in relation to the historical and social realities of Russian society. At the same time, justice, equality, and freedom are considered not only as concepts, but also as fundamental values of Russian society. The concepts of justice, equality, and freedom are presented in sections of two-level consideration: epistemological and ontological. At the epistemological level, in relation to the above concepts, freedom and equality are considered as antagonistic concepts, and justice has a very significant mediative role. At the ontological level, these concepts are considered as the most important values of Russian society. The author focuses on significant discrepancies between the ontological and epistemological levels in understanding these concepts and their practical application in historical and social realities as goal-setting values of Russian society. The article notes the need to remove the antagonism in the opposition “justice—freedom” and affirm at the level of society the understanding that justice without freedom is unfair, and justice is just only in union with freedom. In the conclusion of the article, as the main idea, the author formulates a maxim about the need for modern Russian society to make a transition from the confrontational model of “justice in spite of freedom” to the model of “fair justice based on freedom” in order to implement the project of civilizational breakthrough in the future.

Key words: freedom, justice, equality, state, alternative, paternalism, responsibility, freedom, value, culture, mentality.

В российском обществе существует консенсусный запрос на справедливость, которая воспроизводится в качестве исторической интенции российского социума. И если в прошлом тяга к справедливости исхо-

дила «снизу» из глубин пластов русского этноса и не была оформлена «сверху» в официальную путеводную идею, то в постсоветской России справедливость очень часто рефлексировалась и на этническом, и на государственно-властном уровнях как национальная идеологема. Вопреки сказанному, России не удалось избежать печального исторического парадокса, заключающегося в большом разрыве между неумным страстным желанием «жить по справедливости» и повсеместным столкновением простого человека с каждодневной несправедливостью. Этот разрыв между должным и сущим, несмотря на многочисленные заявления властей о необходимости его преодолеть, в различных точках временного исторического пространства не только не устранен, но даже в последние десятилетия достиг еще более значимых масштабов. В этой статье предпринимается попытка осознать не только истоки несправедливости в России, но и возможные пути хотя бы частичного восстановления попорченной справедливости и корреляцию справедливости, равенства и свободы.

Понятно, что фанатичное упование на устроение в земной жизни абсолютного счастья и справедливости всегда оказывалось несбыточной иллюзией. Вот что по этому поводу думает С. Л. Франк: «История человечества есть история последовательного крушения его надежд, опытное изобличение его заблуждений... Всечеловеческая жизнь есть тяжкая опытная школа, необходимая для очищения нас от иллюзий всечеловеческого счастья, для обличения суетности и обманчивости всех наших упований на воплощение в этом мире царства добра и правды, всех наших человеческих замыслов идеального общественного самоустроения» [1].

В соотношении понятий «равенство», «справедливость», «свобода» понятие справедливости занимает срединное местоположение, выполняя роль связующего звена между равенством и свободой. Во многих отношениях равенство и свобода являются понятиями-антиподами. Между этими понятиями может существовать частичное совпадение, проявляющееся в том, что не может быть свободы между различными члена-

ми социума без утверждения относительного равенства возможностей в социально-экономическом и политико-правовом отношениях. Несомненным является то, что за аналогичные свободно совершаемые действия и поступки люди должны нести равную правовую ответственность. Справедливость, выполняя медиативную роль, выступает в качестве критерия правильного использования равных возможностей для свободной самореализации людей и степени их одинаковой ответственности за совершаемую деятельность. В различных обществах распространенной причиной неодинаковой свободы их акторов является отсутствие равных правовых возможностей для ее реализации. Смысл и существо правовой формы бытия и выражения свободы определяются через независимость субъектов друг от друга в рамках правовой формы их взаимоотношений и одновременно их одинаковой, равной подчиненности общей норме.

Справедливость - понятие о надлежащем, включающее в себя требования соответствия деяния и воздаяния, прав и обязанностей, труда и вознаграждения, утверждающего признание заслуг человека. Справедливость всегда представляет идею должного порядка вещей. Этимологически близким справедливости выступает понятие «равенство». Наряду со справедливостью равенство исконно выступало в качестве стремления к достижению социального идеала. Неслучайно на знамени Великой французской буржуазной революции были записаны слова: «Liberté, égalité, fraternité». В французской «Декларации прав человека и гражданина», принятой в 1789 г., утверждается мысль о естественном и неотчуждаемом характере прав человека, выраженная в сентенции «люди рождаются и пребывают свободными и равными в правах». Во «Всеобщей декларации прав человека», принятой ООН в 1948 г., как в естественной продолжательнице французской «Декларации прав человека и гражданина» указывалось, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Эти великие декларативно-правовые документы контрастируют с исторической реальностью. С точки зрения мечтаний, конечно, все должны быть равны с момента факта рождения, но так ли это на самом деле? Несомненно, человек, родив-

шийся в семье мультимиллионера или высокопоставленного чиновника, будет обладать принципиально иными возможностями реализации формально одинаково установленных для всех прав, чем люди, родившиеся в семье уборщицы или вахтера. Существенно различные социально-экономические, политико-правовые, духовно-культурные условия существования людей обуславливают не только неодинаковые возможности реализации их прав, но и наличие неодинакового набора этих прав.

Нельзя отождествлять понятия «справедливость» и «равенство», но и неправомерно не видеть между ними определенного совпадения. Общей точкой соприкосновения между ними в идеале является необходимость предоставления всем людям одинаковых условий и возможностей для проявления своих способностей и различных способов самореализации. Совпадают справедливость и равенство и с точки зрения стремления к надлежащему наделению всех членов социума равными правами. В обществе потенциально возможное совпадение равенства и справедливости как формальное наличие одинаковых прав, условий и возможностей для существования и жизнедеятельности членов общества всегда вступает в острое противоречие с действительностью, в которой проявляется неравное и несправедливое распределение этих жизненно важных прав, возможностей и условий бытия людей.

Ну и самой важной точкой бифуркации справедливости и равенства уже не в объективном, а в субъективном плане является то, что члены общества не могут априори биологически, психологически, интеллектуально, духовно-культурно, деятельностно быть равными друг другу. Как показывает советский эксперимент, марксистско-ленинская идеология, осуществляемая во имя равенства на земле, неминуемо вела советское общество от естественного многообразия к искусственному однообразию, оборачивающемуся жестоким и несправедливым вызовом против уникальной природы и сущности человека, сводящим субъективно неравных людей в извращенное состояние равенства. К тому же необходимо иметь в виду, что равенство тяготеет к количественной пропорциональности и качественной одинаковости всего сущего, в то время как

справедливость стремится к утверждению качественного многообразия, реализации в соответствии с неодинаковыми возможностями людей разнообразной действительности, воплощению должного исходя из сущего и оценке сущего посредством должного.

В калейдоскопе различных явлений и событий в течение длительного времени в России традиционно проявляет себя инверсия справедливости и равенства. Исторически сложившийся общинный уклад жизни русского этноса неминуемо породил эгалитарную психологию, проявляющуюся в обычаях, традициях, поступках, действиях по принципу «жить так, как все». Такое ментальное восприятие справедливости устанавливало подчинение единичного общему, индивидуального коллективному. Тем самым утверждался высший принцип справедливости применительно к России, выражающийся в примате общего над единичным, принижении человеческого по отношению к социальному. При таком подходе любые формы индивидуальной оригинальности и человеческого своеобразия в досоветский и в особенности в советский периоды российской истории подвергались остракизму и нивелировке. «Горе от ума» испытывали люди талантливые и наделенные высоким интеллектом. Дискомфортно чувствовали себя те, кто был неординарен и оригинален в своих мыслях, действиях и поступках, т. к. обстановка в социуме делала жизнь комфортной для тех, кто «не высовывался». Общинно-коллективистское понимание справедливости отождествлялось с социальным равенством, основанном на равномерно-распределительном механизме социальных благ. Крайней формой выражения справедливости, воспринимаемой в первоначальный советский период как социальное равенство, явилась формула Н. И. Бухарина «грабь награбленное». Извращение справедливости и низведение ее до уровня уравниловки глубоко укоренилось в менталитете русского человека, и рецидивы понимания справедливости в виде «отобрать и распределить» широко представлены в качестве отголосков прошлого в сознании современного россиянина. Такой путь сиюминутного проедания «во имя справедливости» материальных богатств и ценностей российского общества чреват для него

крайне опасным социально-экономическим банкротством. И тем не менее он не представляется авантюрным для социальных и политических сил с левым коммунистическим уклоном, а, наоборот, расценивается как верх справедливости.

Нельзя в реальности представлять человека в качестве инкубаторского существа и невозможно не понимать субъективной неодинаковости людей, хотя многие общества и стремятся к уравниванию прав и достоинства неравных друг другу людей. В обществах общинно-коллективистского типа, основанных на доминировании общих социальных величин над малыми, к которым можно отнести и Россию, неминуемо утверждает себя тенденция подмены справедливости социальным уравнивательным равенством, которая со временем начинает приобретать универсальное значение, экстраполируясь во все сферы бытия общества, формируя в его сознании эгалитаристское социовосприятие. В соответствии с этой тенденцией формируется такая конструкция общества, в которой абсолютно господствующее положение государства используется в качестве инструмента в руках вертикали власти, заинтересованной в превращении общества не только во все более молчаливое большинство, но и во многих отношениях в одинаковую совокупность людей.

Таким образом, в российской истории общинно-коллективистские тенденции развития общества содействовали гипертрофии государства, а непомерное усиление института власти вело к административно-насильственному внедрению сверху во все сферы жизни общества коллективистско-уравнивательных начал, подрывающих ценности справедливости и свободы. В советский период продолжение общинного уклада бытия общества как исторической традиции в виде модифицированного советского коллективизма создает благоприятную почву для произрастания авторитарного и тоталитарного режимов власти, при которых особого размаха получает процесс превращения общества в однородную массу под аккомпанемент лицемерных лозунгов о равенстве, справедливости и гуманизме.

Ложно понятое равенство и практика уравнилельно-нивелирующего его осуществления не только удаляли от достижения подлинной справедливости, но и уничтожали ростки свободы в российском обществе. Понятия «справедливость» и «свобода» в онтологическом и гносеологическом аспектах своеобразно коррелируют друг с другом. В философии понятие «свобода» - универсалия объективного и субъективного понятийного ряда.

В объективно-онтологическом отношении свобода представляет некую совокупность возможностей, условий и предпосылок, необходимых для самореализации человека. И все же в соотношении объективного и субъективного как двух взаимосвязанных граней свободы примат принадлежит субъективному аспекту. Свобода - это понятие, прежде всего фиксирующее возможность деятельности и поведения субъекта в условиях противостояния внеположенному. Т. е. наличие свободы предполагает такое качество человека, в котором он становится субъектом принятия решений и их реализации в действиях и результатах. При этом сам человек становится определяющей причиной всего того, что происходит в его жизни, стремясь осознанно соизмерять с субъективными возможностями свои решения, а действия - с внешними условиями и обстоятельствами. По нашему мнению, сформулированную Б. Спинозой классическую трактовку свободы как осознанной необходимости можно представить в качестве меры реализации субъективных возможностей, адекватных действительности.

И гносеологически на понятийном уровне, и онтологически в жизнедеятельности общества между справедливостью и свободой завязываются сложные отношения и перипетии. В оценке суждений «справедлива ли свобода», «свободна ли справедливость» нет однозначных ответов. Свобода как мера между правами и обязанностями, возможностями и действиями, мотивами и стремлениями, средствами и целями совпадает со справедливостью, и в этом смысле можно сказать, что свобода справедлива. Для свободы исходной диспозицией выступает состояние субъективного в человеке и степень его соответствия действительности.

Степень адекватности внутренней субъективной свободы объективной реальности позиционирует в качестве меры свободы субъекта. Свобода придает относительное преимущество субъективному перед объективным, внутренней свободе перед условиями внешней свободы. Человек и в условиях внешней несвободы может быть субъективно свободным и, наоборот, при наличии свободного общества может быть духовно порабощенным. Как свобода не выступает заложником социальной необходимости, так и социальное бытие не может хаотично калькулироваться и видоизменяться свободой. В противном случае общество, отторгающее свободу, превращается в образование, в котором господствует произвол и казарменно-тоталитарный порядок и, наоборот, свобода, не коррелируемая с реалиями социума и навязываемая сверху неподготовленным для ее использования потенциальным носителям, перерождается в вольницу либо в ее неприятие в виде ностальгических умонастроений по возврату к прежним патерналистским временам, в которых они не обладали бы никакой самостоятельностью, а лишь выполняли указания «сверху». Такие исторические ситуации постоянно воспроизводятся в России в виде инверсии в периоды «реформ-контрреформ».

Если свобода проявляет себя как степень самореализации субъективного в объективном, как способность человека максимально выразить свой жизненный и творческий потенциал в сущем, то справедливость тяготеет к ценностной характеристике многообразной жизнедеятельности человека в сущем с позиций должного. Справедливость существенно в меньшей степени детерминирована субъективным и в большей степени зависит от объективно установленного порядка вещей, от сформировавшихся в социуме жизненных, моральных и правовых нормативных ценностей, ориентиров и оценок. Степень внутренней свободы человека может и не оказывать значимого влияния на наличие ценности справедливости в поступках и действиях человека. В тоже время в различных обществах распространенной причиной неодинаковой свободы их акторов является отсутствие равных возможностей для ее реализации. Справедливость, выполняя медиативную роль, выступает в качестве критерия

правильного использования равных возможностей для свободной самореализации людей и степени их одинаковой ответственности за свершаемую деятельность.

В социально-историческом контексте России сложилось специфическое понимание и своеобразная практика применения в реальности понятий и ценностей справедливости и свободы. В их соотношении постоянно возникали коллизии, а зачастую и непримиримые противоречия. В этой связи постоянно возникал фундаментальный вопрос всей истории России: «Почему справедливости отдавался явный приоритет в сопоставлении со свободой?».

В течение более чем тысячелетней истории России не были созданы условия, укореняющие ценность свободы в бытии российского общества. Утвердилась византийская модель российского общества, в которой доминантное положение занимало государство в духе принципа «Кесарево выше Божье» [2, с. 335–341]. На основе этой модели сформировалось патерналистское отношение общества к государству и неуклонная вера в сакральность российской власти, способной устанавливать справедливый порядок вещей в жизни. Исторический уклад бытия России, абсолютное доминирование государства в структуре российского общества и его причастность ко всему происходящему в нем, менталитет русского народа никак не способствовали укоренению свободы как жизненно необходимой ценности существования человека и социума. В России так и не возникла альтернатива этому порядку вещей в виде общественного договора между государством и обществом. Российскому обществу не было сделано прививки ценности свободы, оно никогда не выступало субъектом свободы и не несло на себе груз исторической ответственности, за исключением экстремальных военных периодов, в которых возникала его мобилизационная модель. Вот почему, когда российское общество оказывалось в кратковременных паллиативных условиях свободы, оно превращало ее в вольницу, произвол, анархию и безответственность [2, с. 433–439].

Исторически сложилось так, включая и современное постсоветское общество, что свобода и демократия большинством российского общества воспринимаются если не негативно, то индифферентно. В течение длительного времени в России сформировалась отрицательная модель свободы, то есть не «свобода для» созидания и творения, а «свобода от» реалий общества, обязанностей и ответственности. Русский человек тянулся к «свободе от» ответственности, свободы мыслить, выбирать и действовать. Сформировавшаяся негативистская парадигма свободы вела к уходу от созидания и творения к утверждению равнодушного отношения к добру и злу. Тем самым пассивное отношение ко злу, вопреки страстному стремлению русского этноса к добру и справедливости, во многом утверждало зло, создающее самые благоприятные условия для торжества несправедливости.

И все же, если свобода не приживалась на исторической почве в России, то для справедливости постоянно формировался благоприятный исторический «гумус» в виде огромного желания здесь и сейчас установить справедливость. Никогда для России не была характерна фихтеанская добродетель: «Пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала справедливость». И все же на «плаху справедливости» приносились многие жертвы, и среди них всегда первой выступала «свобода». В исторической дилемме России «свобода или справедливость» справедливости всегда отдавалось предпочтение, но и неистребимое стремление к последней никогда не утверждало справедливого порядка вещей [3].

Никогда в России не было благоприятного исторического «гумуса», на котором бы пустили всходы и надежно произросли ценности демократии и свободы. Первоначальные надежды в девяностые годы постсоветского периода на то, что древо демократии и либерализма глубоко пустит свои корни в российскую социально-политическую почву, не оправдались. В последние 30 лет в социальной структуре российского общества происходит углубление качественного разрыва между социальными полюсами богатых и бедных, сопровождающегося количественным расширением полюса бедных и сокращением полюса богатых. Социальное об-

нищание более трети россиян не способствует в ситуациях выбора «демократия и свобода или социально-экономические блага» отдавать преимущество первым в противовес вторым. Существенное негативное влияние на вращение в сознание, менталитет и деятельность россиян ценностей демократии, свободы и либерализма оказывают продолжающиеся традиции правового нигилизма и отчужденного отношения к утверждению института частной собственности, мешающего становлению гражданского общества. Пока не сложился между властью и российским обществом консенсус о необходимости формирования модели гармоничных отношений в триаде «равенство — справедливость — свобода» и о предотвращении противопоставления ценностей равенства и справедливости ценностям демократии и свободы. Власти во имя сохранения власти не стоит в угоду своим политическим амбициям приносить в жертву демократию и свободу. Российскому обществу во имя удовлетворения социальных интересов и получения материальных благ не следует постоянно пренебрегать приобщением к духовному раскрепощению и освобождению себя от пут приспособленчества, индифферентности, вещизма, бескультурья.

В современном российском обществе растет осознание того, что утверждение справедливости как высшей цели и чуть ли ни главного идеала неприемлемо при наличии пренебрежительного отношения к свободе. Оказывается, что справедливость без свободы несправедлива, а справедливость справедлива лишь в союзе со свободой. Современному российскому обществу для того, чтобы осуществить цивилизационный прорыв к успешному будущему, необходимо постепенно переходить от конфронтационной модели «справедливость вопреки свободе» к модели «справедливой справедливости на основе свободы».

Список литературы

1. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 512 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 736 с.

3. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Издательская группа URSS, 2004. 349 с.

References

1. Frank, S. L. The Spiritual Foundation of Society. M: Respublika, 1992. 512 p.
2. Berdyayev, N. A. The Fate of Russia: Collection of Works. Moscow: Eksmo-Press; Kharkiv: Folio, 2001. 736 p.
3. Gavrov, S. N. Modernization in the Name of the Empire: Social and Cultural Aspects of the Modernization Processes in Russia. Moscow: Editorial URSS, 2004. 349 p.